

В Багдаде жил когда-то молодой человек по имени Баба-Абдаллах. Его родители довольно рано умерли, оставив сыну небольшое состояние. Поэтому юноша еще смолodu познал, что значит жить самостоятельно. Но он, в отличие от многих своих сверстников, не транжирил деньги, а, наоборот, бережно хранил их, прилагая все старания, чтобы приумножить то небольшое, что имел. Постепенно он скопил значительные средства и вложил их в покупку восьмидесяти верблюдов, которых сдавал в аренду купцам. Те грузили животных своим товаром, а Баба-Абдаллах вел караван по разным торговым путям, зарабатывая на каждом маршруте неплохие деньги.

Как-то раз он доставил груз в Басру и возвращался домой со своими верблюдами, не груженными никакой поклажей. Путь его проходил через пустынную местность, где он приметил луг, подходящий для отдыха. Пока животные паслись на траве, Баба-Абдаллах сел под дерево, чтобы пообедать. Не успел он распаковать припасенную провизию, как к нему подошел дервиш [\[ii\]](#), который тоже двигался по этой дороге. После обмена приветствиями мужчины начали разговор о том - о сем. Дервиш рассказал, что идет из Багдада в Басру. Баба-Абдаллах, только что покинувший этот большой торговый город, поделился с дервишем своими впечатлениями о Басре. Они вместе трапезничали, беседа о всевозможных малозначущих вещах.

Неожиданно дервиш сказал такое, от чего у Баба-Абдаллаха чуть кусок не застрял в горле: «Совсем недалеко отсюда есть долина; там спрятаны несметные сокровища. Они стоят больше, чем все ценные вещи, вместе взятые, которые довелось перевозить Вашим верблюдам». Надо сказать, что Баба-Абдаллах был очень жадным. Как только он услышал о скрытых от глаз богатствах, да еще таких больших, в нем пробудилась страшная алчность. Молодой мужчина, потеряв всякое достоинство, бросился дервишу на шею и стал слезно умолять открыть ему, где лежат эти сокровища. «Посудите сами, добрый человек, - убеждал он странника, - Вы - благочестивый и набожный человек, который не заботится о земных благах. Удалившись от суетного мира, Вы живете как отшельник созерцанием и молитвами. Зачем Вам сокровища? К тому же Вы один-одинешенек, у Вас даже животных нет. Кто понесет Ваш груз? А сами Вы унесете немного. Отведите меня туда и откройте мне путь к сокровищам. Посмотрите, у меня есть восемьдесят верблюдов, которые возвращаются со мной в Багдад абсолютно пустыми. Мы с Вами нагрузим их так, что они едва смогут переставлять ноги от тяжести поклажи. Одного из них Вы можете взять себе. Таким образом, Вы увезете с собой намного больше, чем, если бы Вы в одиночку отправились туда».

Дервиш, однако, оставаясь невозмутимым, счел это несправедливым: «Нет, дорогой брат! Так не годится. Вы требуете, чтобы я открыл Вам сокровища, которыми Вы

нагрузите для себя семьдесят девять верблюдов, а мне отдадите только одного. Не думайте обо мне плохо, я хорошо отношусь к Вам. Если бы я не хотел Вас осчастливить, я не рассказал бы Вам о сокровищах. Хочу сделать Вам предложение, которое устроит нас обоих. Давайте вместе нагрузим всех животных, а потом поделим их пополам. Вам достанется сорок верблюдов и мне столько же. Оба мы станем такими богатыми, что сможем жить в достатке всю оставшуюся жизнь. А Вы, если пожелаете, сможете купить себе не одну тысячу верблюдов, потому что сокровища эти состоят из чистого золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней».

Услышав эти слова, алчный Баба-Абдаллах совсем потерял голову. Как это, отдать половину своих верблюдов чужому человеку? А если учесть, что на них будут навьючены узлы с сокровищами, то нечего и думать об этом! Но постепенно он совладал с собой и пришел к выводу, что сорок нагруженных золотом и драгоценными камнями верблюдов все же лучше, чем восемьдесят пустых. Поэтому, в конце концов, Баба-Абдаллах согласился с предложением дервиша. Они двинулись в путь. По дороге дервиш собирал солому и кое-какой хворост.

Вскоре путники добрались до того места, где верблюды, миновав по одиночке узкий проход между скалами, оказались в долине, по краям которой взмывали вверх высокие горы. Путники остановились у скалы, напоминающей гладкую стену. Дервиш разжег из собранного хвороста костер, в который бросил несколько черных крупинок. Тут же из огня поднялся густой черный дым, заполнивший всю долину. При этом дервиш произнес какие-то непонятные слова, похожие на заклинание. Когда же дым рассеялся, вместо стены перед мужчинами оказалась массивная дверь, состоящая из двух створок. Дверь казалась очень тяжелой, но дервиш открыл ее одной рукой, отодвинув в сторону одну из ее створок.

Баба-Абдаллах с любопытством заглянул внутрь. Вырубленная в скале широкая лестница вела глубоко в подземелье. Спустившись по ней, молодой мужчина с удивлением обнаружил, что внизу стало опять светло как днем. Но еще больше он изумился, когда увидел высокую стену из полированного мрамора, разделенную на множество глубоких ниш с вазами и урнами, полными золота, серебра и драгоценных камней..

«И все это можно брать?» - с горящими от жадности глазами спросил Баба-Абдаллах. Как только дервиш кивнул головой, он бросился к сокровищам. Нагрузившись золотом и серебром до такой степени, что едва мог подняться по лестнице, он выбрался наружу. Дав одному из верблюдов команду лечь на землю, он высыпал свой груз в большой

мешок, перекинутый через седло. Тут из двери в пещеру показался дервиш, который так же нагрузил другого верблюда. Поскольку Баба-Абдаллаху бросилось в глаза, что его товарищ отдавал явное предпочтение драгоценным камням и жемчугу, а не золоту и серебру, он тут же побежал обратно к сокровищнице, чтобы взять себе побольше именно этих драгоценностей. Так мужчины сновали вверх и вниз по лестнице, пока не нагрузили всех верблюдов.

Наконец, все животные стояли с поклажей, и была она такой тяжелой, что они едва могли передвигаться с ней. Дервиш решил в последний раз спуститься в подземелье, и Баба-Абдаллах, конечно, последовал за ним. Он собирался заполнить драгоценностями еще и все свои карманы. Дервиш, однако, взял из одной из ниш только небольшую золотую коробочку. Он вынул из коробочки невзрачную деревянную шкатулочку и взял ее с собой. Баба-Абдаллах очень удивился этому, но ни о чем не спросил, потому что думал только о том, как бы поплотнее набить свои карманы.

Когда мужчины поднялись наверх, дервиш закрыл двери в скале, развел опять невдалеке костер и бросил в него курящийся порошок. Вновь черный дым окутал всю долину, а когда он исчез, вместо двери перед людьми стояла крутая скала, напоминавшая гладкую каменную стену. Грузёный караван вышел из долины, миновав узкий проход между горами. Мужчины разделили между собой верблюдов на две равные половины. Прощаясь, Баба-Абдаллах крепко обнял дервиша и поблагодарил его как своего благодетеля. На этом мужчины расстались, и каждый двинулся своей дорогой – дервиш в Басру, а Баба-Абдаллах домой в Багдад.

Но беспокойно было жадному Баба-Абдаллаху. Чем больше он удалялся от каравана дервиша, тем сильнее разгоралась его алчность. «Зачем святому человеку – дервишу такое богатство? – разговаривал он сам с собой. – Что он будет с ним делать? Дервиш может в любой момент вернуться в пещеру и взять себе еще больше драгоценностей, чем увез в этот раз. Похоже, сокровищница эта неисчерпаема. Если он пригонит в долину своих сорок верблюдов и полностью загрузит их, он будет намного богаче, чем я. Нет, нет, пусть возвращает мне часть моих верблюдов!» Баба-Абдаллах развернул караван и погнался животным вдогонку за дервишем.

«Эй! – крикнул Баба-Абдаллах, поравнявшись с дервишем. – Эй, брат дервиш! Я подумал, что Вам никогда раньше не приходилось перегонять такой большой табун верблюдов. Боюсь, нелегкую задачу Вы взяли на себя. Отдайте мне десять верблюдов, а Вы и с тридцатью забот не оберетесь!» - «И то правда, - добродушно откликнулся дервиш, - я и предположить не мог, что это так сложно. Спасибо Вам за заботу!

Забирайте десять верблюдов и поезжайте с миром». Баба-Абдаллах выбрал себе тех животных, которые, как ему показалось, несли самую тяжелую поклажу. Он уже собирался продолжить свой путь, как вдруг в голове его зашевелились нехорошие мысли. «Смотри-ка, - думал он, - как легко дервиш расстался со своими десятью верблюдами! Если бы я попросил у него еще десять, он наверняка отдал бы мне их с такой же охотой». Поэтому хитрец покачал с сомнением головой: «Послушайте, брат дервиш, я боюсь, что и тридцать верблюдов для Вас многовато. Дело для Вас непривычное, не справитесь Вы с ним. Вам сразу станет легче, если Вы отдадите мне еще десять животных. Вам ведь хватит сокровищ, нагруженных на оставшихся двадцать верблюдов, да и с этими двадцатью вы еще намучаетесь».

Дервиш ответил ему абсолютно спокойно: «Я верю, что Вы желаете мне добра. Наверное, Вы правы. Возьмите себе еще десять верблюдов, а я посмотрю, справлюсь ли я с остальными двадцатью». Баба-Абдаллах отогнал в свой караван еще десяток навьюченных животных, но опять у него возникла мысль о том, что дервиш не будет противиться, чтобы вернуть ему еще десяток верблюдов. Он еще раз завел разговор на эту тему: «Я советую Вам передать мне еще десять верблюдов, потому что двадцать животных это тоже большой караван, и с ним надо уметь обращаться. Я говорю вам это не из корысти, а чисто из любви к Вам». И на этот раз дервиш ответил согласием и отдал Баба-Абдаллаху по собственной воле половину оставшихся у него верблюдов.

Но именно эта доброта и отсутствие сопротивления со стороны дервиша все больше и больше разжигали его ненасытность. Молодой обманщик обнял дервиша, поцеловал его и стал умолять отдать ему всех остальных верблюдов. «Смотрите, - убеждал он дервиша, - тем, что Вы уступите мне всех верблюдов, Вы сделаете меня Вашим должником на всю жизнь. Всех своих верблюдов я заработал потом и кровью. Я хорошо помню, где и как я приобретал каждого из них. Это не всегда было легко и просто. Поэтому мне так трудно расстаться с любым из них. Сжальтесь надо мной, оставьте мне весь мой караван! Вы слишком добрый и благородный человек, чтобы отнять у меня хотя бы одно животное. А сокровища, которыми нагружен караван, Вам не нужны. Ведь Вы отреклись от всего мирского, когда стали монахом, не так ли? Зачем же Вам тогда богатства?»

На это дервиш ответил ему: «Если для Вас это имеет такое значение, возьмите себе всех верблюдов. Вы станете владельцем очень большого богатства. Найдите ему достойное применение и никогда не забывайте, что Господь может отнять его с такой же легкостью, с какой дал Вам его с моей помощью. Непременно помогайте бедным и поверьте мне, бедные существуют в этом мире ради богатых. Господь таким способом дает возможность доказать, что у вас есть любовь к ближнему, а не только алчность и корысть, которые делают Ваши глаза незрячими, а сердце закрытым, когда Вы

сталкиваетесь с нищетой».

Баба-Абдаллах пообещал последовать совету дервиша, с благодарностью обнял его еще раз, пожелал ему удачи в дороге и погнал свой караван в Багдад. Но ненасытного завистника вновь начали обуревать сомнения, которые переросли в смутные подозрения. Почему дервиш так легко расстался со своей половиной каравана, хотя вначале он твердо настаивал на том, чтобы поделить все поровну? Тут Баба-Абдаллах вспомнил о той деревянной шкатулочке, которую дервиш взял из сокровищницы в последний момент. «Ага, - подумал он, - наверняка эта вещица гораздо ценнее, чем все мои сокровища вместе взятые». И вновь захлестнули его жадность и алчность и, развернув караван, он вновь отправился вдогонку дервишу.

Баба-Абдаллах без труда догнал идущего пешком дервиша: «Дорогой брат, прежде чем мы окончательно расстанемся, окажите мне любезность, откройте мне тайну, что находится в той невзрачной деревянной шкатулочке, которую Вы спрятали в своей одежде? Раз Вы отказались от всех сокровищ, а эту вещицу оставили себе, значит она еще большая драгоценность, чем все остальное? Я сгораю от любопытства. Я даже завернул свой караван, чтобы узнать эту тайну».

«Да нет, - дервиш достал шкатулку и открыл ее, - это всего лишь мазь». Но, как и полагал Баба-Абдаллах, это была не простая мазь. «Конечно! – подтвердил тот. – Если нанести немного этой мази на верхнее веко левого глаза, то увидишь все сокровища, спрятанные под землей. Однако если помазать ею правый глаз, то сразу ослепнешь на оба глаза». Как только Баба-Абдаллах услышал о чудесных свойствах мази, он сразу же захотел испытать их на себе. Дервиш не имел ничего против этого. Он попросил молодого мужчину закрыть левый глаз и нанес на веко немного мази. Когда Баба-Абдаллах вновь открыл глаза, он увидел множество подземных ходов и пещер, заполненных сокровищами. Баба-Абдаллах, охваченный восторгом и благодарностью к дервишу, бросился ему на шею и поцеловал его.

«Я рад, что доставил Вам радость, - улыбнулся дервиш, - но предостерегаю Вас, не требуйте от меня больше ничего, ведь я ни в чем не могу Вам отказать. Вдруг Вы попросите о чем-то опасном или вредном?» Баба-Абдаллах, однако, не принял сказанного всерьез. Он думал, что дервиш обманул его из зависти, сказав неправду о слепоте. Он твердо верил, что обоими глазами можно увидеть гораздо больше подземных сокровищ, чем одним. «У меня есть только одна, самая последняя просьба, - не унимался он, – помажьте мой правый глаз этой мазью, не отказывайте мне!» - «Ну нет, не настаивайте понапрасну, - нахмурился дервиш, начиная терять терпение, - разве

я не рассказал Вам о последствиях?» Но эти речи лишь распалили жадность молодого человека и укрепили его в собственном мнении. В мыслях своих он не исключал того, что чудесная мазь на обоих глазах откроет ему сокровища, спрятанные еще глубже, или, может быть, даже те богатства, которые будут зарыты под землю в будущем.

Баба-Абдаллах был не в силах сдержать свое волнение: «Как я посмотрю, Вы держите меня за дурачка, раз стараетесь запугать. Но я ни за что не поверю, что мазь может по-разному действовать на левый и на правый глаз». Дервиш, однако, продолжать упорствовать, стараясь убедить молодого мужчину не делать этого страшного шага. Он еще и еще раз призывал его представить себе, какое это непоправимое несчастье стать слепым. «Я сделал для вас столько хорошего! - добавил дервиш. - Не хочу стать причиной Вашей беды». Но чем больше говорил дервиш, тем сильнее разгоралось желание алчного Баба-Абдаллаха стать владельцем всех подземных сокровищ. «Вот именно! - горячился он. – Раз Вы сделали для меня столько добрых дел, не отказывайте мне в такой мелочи! Не хочу, чтобы мы расстались по-плохому. Пусть будет, что будет. Я сам отвечу за свое решение!»

В конце концов, дервиш не выдержал и, взяв на кончик пальца немного мази, спросил в последний раз: «Неужели Вы все-таки хотите ослепнуть?» - «Да, ослепнуть!» – вскричал Баба-Абдаллах в сильном возбуждении. «Помажь, скорей помажь!» - он закрыл глаза и подставил дервишу лицо. Тот молча нанес ему мазь на правое веко. Молодой человек быстро открыл глаза, но... О, бедный Баба-Абдаллах! Он стал абсолютно слепым и видел перед собой только черную пустоту. Молодой мужчина начал бить себя по лбу кулаками и рвать на себе волосы. Из его незрячих глаз полились горячие слезы. «О, проклятая жадность! – голосил он в отчаянье. – Это она во всем виновата! В какую беду она повергла меня!» Он бросился на колени и воздел в мольбе руки: «О, дорогой брат дервиш, Вы знаете какое-нибудь средство, чтобы спасти меня? Вы были так добры ко мне, сжальтесь надо мной еще только раз, верните мне зрение, умоляю!» - «Нет, жалкий, алчный человек! – негодовал дервиш. - Хоть мне и доступны некоторые тайны, но я не знаю, как вернуть тебе дневной свет. Ты не хотел слушать мои предостережения. Неси теперь то, что сам на себя навлек. Господь одарил тебя богатствами, но ты оказался недостойным их. Поэтому он отнимает их у тебя моими руками. Я отдам их другим людям, не таким жадным и неблагодарным как ты».

С этими словами дервиш поднял караван и погнал верблюдов в Басру. Как ни плакал Баба-Абдаллах, как ни звал своего недавнего товарища, как ни умолял его помочь добраться до ближайшего встречного каравана, дервиш не вернулся и не помог ему. Звуки шагов верблюдов становились все тише и тише, пока не исчезли совсем. Для Баба-Абдаллаха вокруг воцарилось безмолвие и полная темнота, словно он лежал в могиле. Наступила ночь, но он не заметил этого. Не уловил молодой мужчина и того момента, когда утром на небе взошло солнце. Его мучил голод, но еще больше он страдал от полного отчаянья.

Вскоре Баба-Абдаллах услышал шаги верблюдов и голоса людей. К нему приближался проходивший мимо караван. Он спросил, куда направляются путники, и, узнав, что они едут в Багдад, стал умолять их взять его с собой. Сжалившись над слепым незнакомцем, хозяин каравана довез Баба-Абдаллаха до его родного города. С этого дня жизнь молодого мужчины резко изменилась. Ему не оставалось ничего другого, кроме как сидеть целыми днями на улицах Багдада и просить милостыню, ведь он потерял все свое богатство – верблюдов, а работать он не мог из-за слепоты.

Постепенно Баба-Абдаллах приспособился к такому существованию. У него появился помощник – мальчик из одной бедной семьи, который каждое утро вел его как поводырь на мост через реку Тигр, который связывал обе части города, расположенные на разных берегах. Этот мост всегда был полон людей, потому что он был единственной городской переправой. Мальчик всегда стоял рядом с Баба-Абдаллахом и заранее сообщал ему, что к ним приближается богато одетый прохожий. Молодой мужчина тут же начинал просить милостыню, говоря при этом громким голосом, что он слепой. Большинство людей жалели его и давали ему неплохие деньги, которыми он непременно делился со своим маленьким помощником. Была в поведении Баба-Абдаллаха одна особенность, которая отличала его от других нищих. Каждого, кто протягивал ему подаяние, слепой мужчина просил дать ему пощечину. Этим он не давал себе забывать о своей жадности и неблагодарности. Если же человек отказывался давать ему пощечину, он возвращал ему деньги или выбрасывал их в реку.

Так прошло несколько месяцев. Как-то раз, по мосту проходили двое хорошо одетых чужестранцев, похожих на купцов. «Подайте милостыню бедному слепому Баба-Абдаллаху! Господь благословит за это Вашу торговлю», - протянул он им руку.

Один из мужчин подошел к нищему и положил ему в ладонь золотую монету. Баба-Абдаллах, однако, схватил его за руку и проговорил: «Милостивый господин, пусть Ваше благодеяние будет полновесным. Дайте мне пощечину!» Прохожий удивился и отказался выполнить просьбу нищего. «Я вовсе не для того дал тебе монету, чтобы выкупить право ударить тебя», - возмутился он и собрался идти дальше. Но Баба-Абдаллах еще сильнее вцепился в его рукав. Мужчина понял, что упрямство этого слепого сильнее его слов и чтобы поскорее отвязаться от пристававший нищего, слегка ударил его по щеке.

На следующий день взволнованного Баба-Абдаллаха привели прямо к трону халифа [\[ii\]](#) Харун ар-Рашида

[\[iii\]](#)

. Услышав о том, перед кем он стоит, нищий бросился на пол и коснулся его лбом. Халиф

смотрел на него с интересом: «Вчера вечером я проходил мимо тебя на мосту и дал тебе монету. Скажи, почему ты попросил меня дать тебе пощечину?» - «Пусть Господь дарует долгую жизнь повелителю всех правоверных с такой же уверенностью, с какой я вчера взял монету из руки щедрого господина, не подозревая, что это был сам халиф, - смутился Баба-Абдаллах. – Иначе как бы я посмел просить его о пощечине, заставляя остановиться передо мной, чтобы тратить на меня свое драгоценное время! Я узнаю к своему страху в голосе Вашего Величества голос того человека, который так щедро одарил меня, а потом дал мне пощечину. Прошу смилостивиться надо мной за мой проступок!»

«Не волнуйся, Баба-Абдаллах, - успокоил его халиф, - я частенько выхожу в город в сопровождении визиря [\[iv\]](#) Джафара. Мне интересно самому убедиться, все ли в порядке в моей столице и ее окрестностях; интересно посмотреть, как живут мои подданные и не надо ли им чем-нибудь помочь. Расскажи мне свою историю. Я хочу знать, почему ты просишь давать себе пощечину?» Баба-Абдаллах поведал халифу все, что с ним приключилось, после того как он повстречал дервиша. Когда слепой закончил, халиф сказал: «Твой грех без сомнения велик. Но поскольку ты осознал его, раскаялся и публично искупил, я дарую тебе возможность жить безбедно в тишине и спокойствии, прося Господа о прощении в уединенной молитве, для чего приказываю моему казначею выдавать тебе ежедневно по четыре драхмы [\[v\]](#) серебром». Баба-Абдаллах вновь опустился на землю перед тронем калифа и от всей души стал благодарить его за оказанную милость.

Остаток дней своих он провел как затворник, молясь о прощении своих прегрешений, и ушел из жизни более праведным человеком, нежели был в молодые годы.

---

[\[i\]](#) Дервиш – нищенствующий мусульманский монах, часто ведущий жизнь отшельника.

[\[ii\]](#) Халиф - титул духовного главы мусульман, совмещавшего светскую и религиозную власть в древних арабских государствах.

[\[iii\]](#) Харун ар-Рашид – халиф Персии, жил с 766г. по 809г., построил столицу империи Багдад, который лежал на пересечении важнейших торговых путей между Востоком и

Западом.

[iv] Визирь – высший сановник, первый помощник халифа.

[v] Драхма или дирхем – арабская монета, введена в обращение в конце VII века.